

Оглавление

Предисловие переводчика	5
Глава 0	13
Пролог	15
Глава 1	27
Глава 2	35
Глава 3	57
Глава 4	75
Глава 5	93
Глава 6	99
Глава 7	123
Глава 8	139
Глава 9	167
Глава 10	195
Глава 11	221
Глава 12	235
Глава 13	253
Глава 14	269
Глава 15	291
Эпилог	301
Благодарности.....	313

Предисловие переводчика

Впервые я попала на ферму Хемпстокков десять лет назад. Я только что выпустилась из вуза, получила диплом переводчика и понятия не имела, что теперь с ним делать. Вокруг шевелились, начав движение, тектонические плиты истории, но меня интересовало в первую очередь личное будущее и хорошие книги, помогающие заглушить тревогу о нем. «Океан в конце дороги» показался мне достаточно хорошей книгой. Вдохновляющей. Приятной в своей простоте. И это единственное, что запомнилось мне тогда. Да иначе и не могло быть.

Десять лет «Океан...» стоял на полке, позабытый, и вот я снова здесь. Тектони-

ческие плиты истории вовсю сшибаются, грозя раздавить меня. Я стала старше и узнала, что быть взрослой — значит жить одновременно в настоящем и прошлом, ведь некоторые места и люди остались лишь в моих воспоминаниях — там они все так же живы и реальны. А узнав на своей шкуре, что такое память, я поняла, почему люблю эту книгу.

Хотела бы я написать: «Услышав о том, что мне доверили перевод “Океана...”, я сняла с полки тот самый экземпляр»...

Но нет. В тот момент на полке была как раз я — на боковой в плацкарте, поэтому совершенно неромантично открыла цифровой оригинал. А к тому старенькому томику я с тех пор больше не прикасалась, боясь случайно ухватить какой-нибудь оборот у моего замечательного коллеги, потому что хорошие вещи заразительны. Мне хотелось в одиночестве сесть на скамейку возле утинового пруда и попытаться расслышать далекий голос, который пытается мне что-то сказать.

Мимо неслись леса, поля и деревни нашей средней полосы, а я снова оказалась

на ферме Хемпстоков. И одновременно во дворе моего детства. И одновременно в родном поселке моего папы, куда мы порой приезжаем на Пасху навестить живых и мертвых. Таково магическое свойство этой книги: она про нашу общую родину — память. Со всеми ее восторгами, страхами, чудесными и одинокими часами детства.

В «Океане...» воспоминания о детстве, как и в жизни, состоят из мелочей: сколько стоили конфеты, кто с кем упал в пруд и какие передачи шли по телевизору. Правильно подсчитать все цифры, увидеть все отсылки и наугадить все реалии — непростой труд для переводчика. Но настоящая задача, я думаю, глубже: поймать тот голос рассказчика, что стал бы голосом и мальчика, и взрослого мужчины. Передать другую истину воспоминаний: для души нет разницы между прошлым и настоящим, для нее все одинаково живо. Время и память — бесконечный Океан, хоть и кажется порой, что он умещается в жестяном ведерке: «Жили как все. Ничего интересного и не происходило».

Так о чем эта книга? Только ли о детстве и страхах? Чтобы найти тот нужный

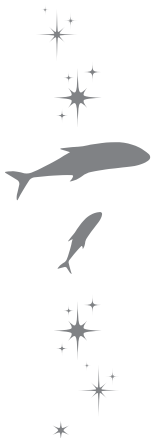

* Нил Гейман *

голос, мне очень важно было это понять. И чем дальше я читала, тем отчетливее мне казалось, что я касаюсь чего-то очень нежного и уязвимого. Смотрю на то, что предназначено не мне. Эта книга посвящена «Аманде, которая хотела знать». В эпоху интернета и об Аманде Палмер, и о Ниле Геймане легко можно найти даже больше информации, чем хотелось бы. Но каждому, кто хоть однажды любил, знакомо особое желание знать и быть признанным, никак не связанное с голыми фактами биографии. Желание бесконечно трогательное и интимное. Желание, которое хочется сберечь вопреки всему.

Я надеюсь, что мне удалось найти слова, которые помогут русскоязычному читателю узнать то же, что хотела знать Аманда. Услышать то, что хотел сказать ей Нил в далеком 2012 году. Почувствовать то, что отзывается, — а оно обязательно отзовется, ведь все мы вышли из одного Океана и в Океан вернемся.

Дарья Селюкова
2024 год

Аманде, которая хотела знать

Я очень живо помню свое детство. Я знал столько ужасных вещей... и понимал, что взрослые ни в коем случае не должны об этом догадаться. Их напугало бы, что ребенок знает так много.

Морис Сендак, из беседы с Артом Шпигельманом.

The New Yorker, 27 сентября 1993 года

Глава 0

Это был просто утиный пруд на задах фермы. Небольшой такой прудик. Когда Летти Хемпсток назвала его океаном, я сразу подумал, что она ерунду какую-то говорит.

Еще она рассказывала, как ее семья переплыла этот океан, добираясь сюда из Старого Света. Ее мама сказала, что Летти все перепутала и Старый Свет давно затонул, а древняя миссис Хемпсток, бабушка Летти, заявила, что они обе неправы и то место, которое затонуло, это не Старый Свет — уж она-то помнит настоящий, Старый-Престарый Свет.

Его разнесло на куски.

Пролог

На мне в тот день были черный костюм, белая рубашка и черные туфли, начищенные до блеска. Обычно, одеваясь так официально, я сразу начинаю чувствовать себя неловко, будто украл чью-то униформу или играю во взросло-го. Но в тот раз, повязав черный галстук, я, наоборот, почувствовал себя спокойнее: эта одежда как раз подходила для тяжелого дня.

Утром я исполнил свой долг: подобрал нужные искренние слова, которых от меня ждали, и произнес их от души, не слукавив ни в чем. А когда служба закончилась, сел за руль и поехал куда глаза глядят — у меня был еще час до встречи с людьми, которых я не видел много лет. Мне предстояло пожать множество рук и обпитьеся чаем,

который по такому случаю подают в фарфоровых чашечках из лучших сервизов.

Я плохо помнил, куда ведут все эти, обычные для Сассекса, извилистые проселочные дороги, но, поняв, что въезжаю в центр городка, свернул на первую попавшуюся улицу, потом налево, направо... И тут только осознал, куда на самом деле еду, куда ехал с самого начала. И поморщился от собственной глупости.

Меня тянуло к дому, которого давно уже не существовало.

Спускаясь по широкой улице, запомнившейся мне каменистой грунтовкой, бегущей вдоль ячменного поля, я подумал, что надо бы развернуться — не стоит тревожить прошлое. Но мне стало любопытно.

Старый дом, в котором я жил с пяти до двенадцати лет, снесли, а другой, построенный позже в глубине сада между кустами азалий и ведьминым кольцом — кругом необычайно яркой травы, родители продали тридцать лет назад.

У дома, который в моей памяти так навсегда и остался «новым домом», я притормозил и въехал на подъездную дорожку,

чтобы получше рассмотреть, как новые владельцы обошлись с нашим типичным образчиком архитектуры семидесятых.

Кирпичи оказались шоколадного цвета — а я и забыл. Мамин крошечный балкончик превратили в застекленную двухъярусную веранду. Я смотрел на все это и пытался припомнить что-нибудь о подростковых годах, но воспоминания оказались неожиданно скудными: ничего хорошего на ум не приходило, ничего ужасного, впрочем, тоже. Мальчишка, который здесь жил, остался далеко в прошлом, и ничего общего с ним у меня нынешнего не было.

Я попятился с подъездной дорожки.

Пора было ехать к сестре. Ее дом, обычно полный жизни, хаоса и веселья, будет сегодня непривычно тихим и прибранным. Я войду, и меня обступят давно забытые люди, начнут расспрашивать о моем браке (распался десять лет назад, вернее, рассыпался, как рассыпается в конце концов изъеденное ржавчиной железо, — обычное дело), встречаюсь ли я с кем-нибудь (нет, и пока не уверен, что готов), как поживают

мои дети (все уже взрослые, прекрасно проживают сами по себе, жалеют, что не смогли приехать), как моя работа (спасибо, замечательно. Никогда не умел говорить о своей работе — наверное, если бы умел, не пришлось бы ею всерьез заниматься. Я творю. Иногда получается настоящее искусство, порой оно даже заполняет пустоту в моей душе... Но не полностью. Что-то всегда остается неизбывным). Мы поговорим о тех, кто нас покинул. Вспомним ушедших.

Узкая проселочная дорога, которую я помнил, стала черной асфальтированной полосой — границей между двумя расползшимися по обеим сторонам жилыми комплексами. Я проехал по ней дальше, чем следовало, за окраину городка. Мне не нужно было в ту сторону, и потому ехать было приятно.

Гладкое черное шоссе становилось все уже, извилистей, пока не превратилось обратно в грунтовку моего детства, на которой двум машинам не разъехаться, — пыльную, усыпанную гравием, словно осколками костей.

Медленно, подпрыгивая на ухабах, я ехал между зарослями орешника, растрепанными живыми изгородями, кустами ежевики и шиповника, словно назад во времени. Все вокруг изменилось, только эта дорога осталась такой же, какой я ее запомнил.

Вот показалась ферма Кэроуэй. Когда-то там жила краснощекая светловолосая Кэлли Андерс, которую я впервые поцеловал, когда мне стукнуло шестнадцать. Вскоре Андерсы переехали на Шетландские острова, и я никогда больше ее не видел.

Проплыла мимо ферма, и по обе стороны начались бескрайние поля, перемежающиеся яркими заплатками лугов. Я проехал почти милю, и постепенно колеи сошли на нет. Дорога заканчивалась.

Я вспомнил дом Хемпстоков раньше, чем повернул, и увидел его во всей потрепанной краснокирпичной красе.

Дом выскочил на меня как-то внезапно, хотя, по логике вещей, дорога всегда в него и упиралась, дальше проезда не было. Я припарковался у ворот, понятия

не имея, что делать дальше. Столько лет прошло, живут ли тут еще люди? Вернее... живут ли тут еще Хемпстоки? Вероятность была мала. Впрочем, в детстве они всегда казались мне невероятной семьей.

Я вышел из машины, и в ноздри тут же ударила вонь коровьего навоза. Неловко пробравшись через маленький дворик фермы, я обыскал взглядом входную дверь, но звонка не было, пришлось стучать. Дверь оказалась не заперта: стоило стукнуть, как она мягко подалась под моими костяшками.

А ведь я уже бывал тут, давным-давно. Ведь бывал же? Старым детским воспоминаниям свойственно исчезать под грузом новых, более поздних. Они словно игрушки, завалившиеся на самое дно шкафа, забитого взрослым бархлам. Не потерявшиеся, просто забытые.

Я вошел в прихожую и позвал:

— Здравствуйте! Есть кто-нибудь дома?

Никто не ответил, но в воздухе витал запах свежееиспеченного хлеба, старого дерева и мебельной мастики. Постепенно мои глаза привыкли к полутьме, я вгля-

делся в нее, готовый развернуться и уйти, но из тускло освещенного коридора как раз вышла пожилая женщина с длинными седыми волосами и белой тряпкой для пыли в руках.

— Миссис Хемпсток? — спросил я.

Она склонила голову к плечу, разглядывая меня.

— Да. Я вас знаю, юноша, — сказала она, хотя юношей меня теперь не назвать даже с натяжкой. — Я вас точно знаю, вот только с возрастом память стала уже не та. Вы кто?

— Я приходил к вам, когда мне было лет семь или восемь.

Она улыбнулась.

— А, друг Летти. Ваш дом был в начале улицы.

— Да... Я помню, вы угостили меня молоком, теплым, прямо из-под коровы... — Я запнулся, поняв, сколько лет прошло. — Нет, простите, не вы, конечно, а ваша мама.

Старая, мы превращаемся в своих родителей. Чем дольше живешь, тем чаще видишь, как знакомые лица начинают по-

